

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный областной университет

СЛОЖНЫЙ ЭПИТЕТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

T. Fadeeva

Moscow State Regional University

COMPLEX EPITHET AS A REFLECTION OF THE EVOLUTION OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы эволюции сложного эпитета – образительно-выразительного средства, которое отражает основные тенденции развития художественного мышления: от мифологического, получающего реализацию в фольклорных текстах, к традиционалистскому. Автор прослеживает, как в структурно-семантическом своеобразии композитной единицы реализовывались наиболее яркие языковые процессы, сыгравшие судьбоносную роль в развитии русского литературного языка и предопределившие дальнейшую судьбу сложного эпитета.

Ключевые слова: сложный эпитет, композитная единица, сознание, язык художественного произведения, образ.

Abstract. In the article, the author studies the main stages of evolution of complex epithet – figurative-expressive means, which reflects the basic tendencies of development of creative thinking: from mythological present in the folklore texts, to standard ones. The author traces how in the structural-semantic uniqueness of a composite unit the most vivid language processes found realization and played a pivotal role in the development of Russian literary language and predetermined the fate of a complex epithet.

Keywords: complex epithet, composite unit, consciousness, language of fiction, the image.

В разные эпохи развития языка литературы роль, которую играл эпитет, не была одинаковой: отмечается своеобразие его функционирования и в разных литературных жанрах и направлениях, а также в языке произведений отдельных писателей. Этот факт отмечался многими исследователями. Так, Б.В. Томашевский указывал, что «эпитеты при их обилии являются одной из тех стилистических черт, которые в наибольшей степени характеризуют индивидуальность писателя, литературное направление или эпоху» [6, с. 202]. Обращение к истории развития эпитета вообще и композитного эпитета в частности, на наш взгляд, позволяет проследить этапы эволюции художественного сознания на примере частной составляющей языковой системы.

Поэтическое мышление отражает сложный комплекс аксиологических ориентиров социума в тот или иной период его развития и находится в неразрывной связи с языком, так как изменения мировоззрения отражаются в том числе и на специфике отбора и употребления образительно-выразительных средств. В коллективной работе «Категории поэтики в смене литературных эпох» (1994) предлагается следующая классификация стадийного развития литературы: «Предварительно и в известной мере условно – в качестве всеохватывающих и особенно значимых для исторической поэтики – нами выделяются, однако, три наиболее общих и устойчивых типа художественного сознания: 1) архаический или мифопоэтический,

2) традиционалистский или нормативный, 3) индивидуально-творческий или исторический (т. е. опирающийся на принцип историзма)» [1, с. 3]. Мы согласны с предлагаемой классификацией и считаем оправданным применение её не только к художественному сознанию, но и к языку как его отражению и непосредственно его изобразительно-выразительным средствам. Данная классификация позволяет обозначить поворотные этапы развития тропических средств, и в частности сложных эпитетов, однако в силу специфики предмета исследования в нашем исследовании не принимаются во внимание конкретизация географического и временно-го соотношения.

Следует согласиться, что архаический или мифопоэтический тип художественного сознания находит реализацию в обобщающем характере определения, употребляемого при объекте эпитетации. Подобного плана эпитеты отмечаются в фольклорных текстах. Для современного исследователя первый этап развития эпитета не представляет особого интереса, так как образностью, художественным наполнением это определение ещё не обладало, а указывало лишь на типичный признак номинации. Подтверждение данной мысли мы находим и в работе Ф.И. Буслаева «Исцеление языка»: «Простосердечное мышление не понимало в языке суетной красоты, и изобретательность языка, в древнейшем его периоде, казалось естественным, прямым выражением мысли: ибо мысль не могла ещё во всей отвлечённости отрешиться от тех жизненных образов, от тех верований и наивных убеждений, которые собственно выражались словом» [2, с.11]. Впечатления внешнего порядка, наиболее характерные, запоминающиеся, отражались в номинациях предметов. «Ежедневное употребление впоследствии возводит впечатление до общего понятия, но сила начального впечатления возникает вновь и остаётся на память народу в постоянном эпитете, который как бы подновляется употреблением сглаженную со слова краску, придавая ему свежесть первого впе-

чатления» [2, с. 11]. Слово выполняет в этот период развития общественного сознания номинативную, сакральную, экспрессивную, коммуникативную функцию. Заметим, что всё это в полной мере относится к сложным эпитетам. Эстетическая составляющая на данном этапе развития языка, как видим, явно не актуализируется.

Функционирование в фольклорных текстах постоянных эпитетов свидетельствует об относительно условном и даже одностороннем отражении в языке картины мира. На ранних этапах развития общества сознание ещё не индивидуализировалось, что отражается в узких рамках языковых шаблонов, например, отмечаем в песенных текстах: *бел-кудреват друг, чернопёстрая коровушка* и другие. В языке творческой личности в этот период не отражается субъективный образ окружающей действительности, в разных жанрах фольклора использование изобразительных языковых средств является общим местом. Впоследствии они в уже застывших сочетаниях переходят в язык литературных произведений.

В языке литературы донационального периода используются эпитеты, не выходящие за рамки чистой изобразительности. Большинство композитных единиц признаков характера стали появляться в русском языке в период первых переводов с греческого (прежде же сложные слова были редким явлением в русской языковой системе).

Следующий этап развития поэтического сознания – традиционалистский или нормативный. По продолжительности он значителен и включает в себя отрезок от средневековья до конца XIX века. В области развития сложного эпитета, как показывает проведённые нами исследования языка художественной литературы данного периода, это время свидетельствует об актуализации рассматриваемого средства выразительности в художественном пространстве, расширении сферы его распространения: отмечается не только в художественных текстах, но и публицистических. Опорой нам послужил тезис:

«Литература в своих основных направлениях продолжает оставаться риторической словесностью, то есть руководствуется и направляется словом как носителем смысловой предопределённости. Риторическое слово оперирует готовым репертуаром смыслов и есть своего рода внешняя форма, по которой идёт мысль, чувство, способ восприятия писателя, будь он “анонимен”, индивидуален или даже индивидуалистичен» [1].

Безусловно, на протяжении столь длительного периода ни структурно-семантические характеристики, ни функциональное своеобразие сложных эпитетов не могло оставаться неизменным, однако эти параметры не имели ярко выраженной индивидуально-авторской направленности, не отражали субъективного взгляда автора на окружающую действительность. В большей степени они имели жанровообусловленный характер и определялись общепринятыми нормами создания. Эта тенденция сильнее всего заявляет о себе на ранней стадии и постепенно ослабевает к концу XIX века.

Схожую мысль, касающуюся, однако, эпитета как такового, выражал и В.М. Жирмунский. Исследователь выделяет в истории развития художественного определения всего два этапа: 1) от античности до XIX в. и 2) от начала XIX в. до наших дней. Первый этап В.М. Жирмунский соотносит с понятием эпитет, а второй – с индивидуальным поэтическим определением, что свидетельствует об отсутствии у исследователя ориентации на специфику художественного сознания древнейшего периода [5]. Предлагаемая периодизация отражает и «узкое» понимание эпитета, применяемое в основном к текстам устного народного творчества и к литературе не позднее эпохи классицизма.

Сложные эпитеты начинают активно использоваться в языке художественных произведений именно в период средневековья потому, что в это время претерпевает изменение художественное сознание и формируются каноны, регламентирующие закреплённость определённых языковых средств

за теми или иными жанрами. Композитные единицы признакового характера получают своё развитие во многом благодаря ориентации на старославянские тексты (о влиянии старославянского языка не только на церковно-славянский язык, но и книжно-славянский тип литературно-письменного языка см. статью К.А. Войловой [4]). На образование многих композит по греческой модели указывал и И.С. Улуханов [7]. Задача перевести максимально точно греческий источник решалась двумя путями. Либо исходное слово передавалось посредством нескольких самостоятельных лексических единиц, что в большей степени соответствовало русской языковой системе, либо, в случаях, когда по ряду причин (стилистическим, ритмическим) такой эквивалент был невозможен, прибегали к калькам с греческого. В период «второго южнославянского влияния» в книжно-славянском типе языка наблюдается тенденция к риторической пышности. «Изысканно-книжная южнославянская лексика и фразеология, полная тропов и фигур, насыщенная образами церковной лирики, широким потоком вливается в славянский язык», – указывал В.В. Виноградов [3, с. 31]. Возникает так называемый стиль «плетения словес», в рамках которого стремление к созданию особой пышности и красоты приводит к вычурности и искусственности. И.С. Улуханов так объяснял стремление авторов к созданию особого стиля: «Употребляя такие слова, церковные писатели придавали своей речи книжный и «учёный» характер. Кроме того, они давали понять, что описываемое ими явление настолько важно, необычно и возвышенно, что имеющихся в языке слов недостаточно для его описания и прославления, и поэтому надо создавать новые средства» [7, с. 27]. Подобный панегирический характер имеет, например, «Слово избранно отъ святыхъ писаній, еже на латыню и сказаніе о составленіи осьмого собора латыньскаго, и о изверженіи Сидора Прелестнаго, и о поставленіи въ русской земли митрополитовъ, о сихъ же похвала

благовѣрному великому князю Василию Васильевичу всея Руси» (около 1461 г.), в котором обилие бикорневых композитов и создаёт «витийства словесные»:

...Държавою владѣющаго на тебѣ, бо-гоизбраннаго боговозлюбленнаго, богопочтеннаго и богопросвѣщеннаго, и богославимаго богослественника, правому пути богоустановаго закона, и богомудраго изыскателя святыхъ правилъ, благаго ревнителя о Бозѣ и споспѣшника благочестію истиннаго православія, высочайшаго исходатая благовѣрїю, богоукрашеннаго и великодержавнаго, благовѣрнаго и благочестиваго, великаго князя Василя Васильевича, боговѣнчаннаго православью царя всея Руси.

Сам термин «плетение словес», как известно, был введен Епифанием Премудрым в текст «Жития Стефана Пермского»:

Но доколѣ не остану много глаголати, доколѣ не оставлю похваленію слова, доколѣ не престану предложеннаго и продлѣжнаго хвалословія? Аще бо и многажды въсхотѣлъ быхъ изъоставити бесѣду, но обаче любы его влечеть мя на похваленіе и на плетеніе словесъ («Житие святого Стефана...»).

Новая стилистическая манера вначале использовалась в церковной литературе («Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», «Четьи-Минеи», «Степенная книга царского родословия» митрополита Макария), а затем получила распространение и в светской («История о Казанском царстве», «Временник», переписка Ивана Грозного и других).

Наряду с витиеватыми периодами, риторическими вопросительными и восклицательными конструкциями и тому подобным яркой приметой «стиля плетения словес» было употребление книжниками XV – XVII вв. именно сложных единиц, по своей структуре напоминающих греческие, старославянские и древнерусские образования: *богокованный целомудрого воздержания гвоздь, небопарный орёл, солнцезарный ангел* и подобные. Семантический объём таких композитов расширяется благодаря усложнению структуры, которое и

ведёт за собой усложнение содержания. Основная задача подобных единиц – сосредоточить внимание читателя на эстетической репрезентации определяемого образа. Так, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» становится сплошным отвлечённо-риторическим воспеванием Дмитрия Ивановича, лишённым какой бы то ни было конкретики. В «Слове» наряду с другими признаками стиля «извития словес» автором активно используются сложные эпитеты старославянского характера, являющиеся признаком книжно-славянского типа: *отрасль благоплодна, злонравный человек, злочестивый Мамай, высокопаривый орёл, золотопечатная грамота*. Это в чистом виде «украшающие» эпитеты. В стиле памятника они становятся основным средством, обуславливающим общую пышность и витиеватость. В контексте за чрезмерным нагромождением композитов в сочетании с другими средствами выразительности затеняется суть, форма уводит от содержания. Схожая картина отмечается и в других памятниках, например, в уже упомянутом выше «Житии Стефана Пермского», написанном в начале XV века Епифанием Премудрым, где наряду с традиционными композитами (*велегласный, братолюбивый, житие маловременное, душеполезная беседа*) используются авторские образования: *многомутное море, отрочёк добороразумичень*. «Второе южнославянское влияние» играет положительную роль в создании и распространении сложных слов, отражая пристрастие к композитам в южнославянской письменности.

В это время актуализируется роль сложного эпитета: он начинает приобретать стилистическую обусловленность в рамках литературно-письменного языка определённого типа. Основной задачей тропов и фигур, выполняемой в языке произведений рассматриваемого периода, становится украшение общего высказывания, придание повествованию особой напряжённой манеры, и сложный эпитет занимает в их числе одно из главенствующих мест.

Интересен и тот факт, что сложный эпитет в «стиле плетения словес» в ряде случаев становится частью перифразы – любимым художественно-изобразительным средством авторов данного периода в истории развития языка. Продемонстрировать подобные «зашифрованные» образы может, например, «Временник» Ивана Тимофеева, в котором мы встречаем описательные обороты *градобитные хитрости, стенобитные хитрости* вместо номинации предмета *пушки* и подобные.

Таким образом, в период с конца XIV по XVII век композиты вообще, и сложный эпитет в частности, в ряду других языковых средств становится приметой языка литературных произведений и работает на создание высокого стиля, которым достойно можно было излагать героические подвиги и описывать величие Московского государства – «третьего Рима».

Новым этапом в развитии сложного эпитета становится вторая половина XVII века, когда формирование единого национального языка определило основы развития языка литературного. Форма и содержание стремятся к единству. Меняются регламентирующие основы употребления тех или иных языковых единиц. В отличие от литературно-письменного языка, где языковые единицы употреблялись в строгом соотношении с установившимися правилами народно-литературного, книжно-славянского или делового типа языка, в национальном языке функционирование языковых средств регламентируется в литературном языке нормами родов и жанров художественной литературы или функциональных стилей. Так, например, развивающийся жанр исторической повести демонстрирует активное включение композит, функционирующих и в качестве средств риторической патетики, и в качестве элемента создания художественного образа.

Наряду с процессом демократизации язык демонстрировал, например, в рамках барочной литературы определённую тенденцию к архаизации и «славянизации», приметы которой можно отметить в языке

произведений Симеона Полоцкого, где среди других украшающих средств встречаем и сложные эпитеты: *цветы живонаписанные, злокозненный жезл, слон нелеполичный, древо плодоносное, царь христолюбивый, столп огнезрачный, златотканые ризы, век веселомирный, путь душеспасённый, рай доброплодный, многовременный хлад, велегласный хвалитель, царь светлокрасен*. Творчество Симеона Полоцкого во многом предопределило развитие русского классицизма и его языковую специфику.

В петровскую эпоху, демонстрировавшую пестроту и неупорядоченность в использовании языковых средств, сложный эпитет не утрачивался, но и не занимал существенное место среди других средств художественной выразительности.

В истории русской литературы такой последовательной смены одного литературного направления другим, как в литературе Западной Европы, не было. Временные границы их размыты, и даже в творчестве одного автора (например, А.С. Пушкина или М.Ю. Лермонтова) мы можем выделить периоды, когда доминировал то один, то другой художественный метод, в рамках которого функционирование сложного эпитета будет характеризоваться своей спецификой, что заслуживает отдельного внимания исследователей.

Именно анализ языка художественной литературы различных периодов её развития позволяет показать специфику сложного эпитета, который, оставаясь на всех этапах развития литературы одним из востребованных средств выразительности, качественно изменялся, репродуцируя в создаваемых с его помощью художественных образах трансформации художественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. – М.: Наследие, 1994. – С. 3-38.

2. Буслаев Ф.И. Исцеление языка: Опыт национального самосознания. Работы разных лет. – СПб.: Издательство «Библиополис», 2005. – 520 с.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978. – 323 с.
4. Войлова К.А. Нужна ли реформа церковно-славянского языка? // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 3. – 2012. – М.: Издательство МГОУ. – С. 7-13.
5. Жирмунский В.М. К вопросу об эпитете // Жирмунский В.М. Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 355-361.
6. Томашевский Б.В. Стилистика. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. – 288 с.
7. Улуханов И.С. О языке Древней Руси. – М., 1972. – 136 с.